

"МЫ, ОДЕССИТЫ, СИДИМ, СЛОВНО В МЕШКЕ..."

Из записок 1941-1944 гг.*

Сейчас нас всех гвоздит одна мысль, где надежнее спрятаться от бомб. В первые дни войны я гордился нашими сараями-убежищами; они мне казались настолько солидными, с толстыми сводами под двухэтажным домом, где можно было совершенно спокойно спрятаться от снарядов. И правда, когда прилетали первые германские разведчики, мы большей частью стояли у окна и любовались разрывами наших снарядов зенитки. Но позже мы уже залезали в наши убежища.

В ночь на 22-е июля т. е. ровно месяц с начала войны с Германией, часов в 9 был первый крупный налет и бомбежка нашего города. Сначала было сброшено большое количество зажигательных снарядов, и сейчас же были сильные взрывы. Вся наша улица была как бы иллюминирована горящими огнями на небольшом друг от друга расстоянии. Горело какое-то вещество сначала небольшим огнем, а потом разгоралось и принимало довольно большие размеры, и если такой снаряд падал на крышу, то пробивал железо, и тут же начинался пожар. К счастью для нашего дома, нам удалось немедленно потушить. На чердаке в разных местах мы нашли три очага огня и тут же потушили, во дворе тоже 3-4, и также быстро засыпали песком. Но против нашего дома 4-х этажное здание, где, очевидно, упал такой снаряд на крышу, немедленно начало гореть. Через короткое время вся почти крыша уже была в пламени. Передать ту панику и душераздирающую сцену, когда жители спасали свое имущество, те истерики и вопли, это мрачное пламя пожара, да и не одного дома, т. к. на следующем квартале и на Успенской уже видно было море огня, невозможно.

Наконец прибыла одна часть команды и, поработав несколько часов, залила начавшийся пожар. Мы еще ничего не знали, что делалось в городе. Передавали только, что в центре валяются десятки трупов.

В это время, 5 ч. дня, когда я пишу эти строки, делают тревогу. Жена собирает кое-какие необходимые предметы: пальто, одеяло, белье, чтобы в случае пожара не остаться буквально без ничего, но, заслышав тревогу, все бросает и бежит во двор. Сердце стучит молотком в груди, руки трясутся, а голос изменяет свой звук.

Итак, на следующий день, 23-го утром, я отправился в город на фабри-

*Отрывок из воспоминаний

ку. Здесь, на Пушкинской и в центре, я увидел нечто ужасное, непередаваемое. Останавливаться над каждым разрушенным домом и описывать его разрушения не стоит, т. к. все они разрушены до основания. На целые кварталы выбиты стекла, вырваны оконные рамы, согнуты шторы у магазинов, и все превращено в груды мусора и пепла. На углу Ришельевской и Греческой снаряд зарылся на 7 метров в глубину и не взорвался. Но когда я увидел несколько воронок размером, пожалуй, в 10 метров в диаметре и глубиной чуть ли не в два роста человека, тут я сразу похоронил свои иллюзии относительно нашего домового убежища. Это готовая могила. Признаюсь, я упал духом. Диаметр и глубина воронки мне не дают покоя, и точно гвоздем засели у меня в памяти.

Сколько жертв в день 22-го и еще утром 23-го июля, конечно, никому не известно, но очень много. Гуляющей публики в этот вечер было очень много, когда этот огненный и снарядный вихрь разразился. Думается мне, что домов 20-30 уничтожено, частью от огня, но больше от снарядов. До 22/VII граждане еще чувствовали себя довольно сносно. Городская жизнь ни на минуту не прекращалась, заводы работали, магазины и базары торговали, а публика довольно беззаботно ходила. Но день 22/VII сразу оборвал жизнь нашего города. Еще с первого дня войны с Германией, т. е. с 22-го июня я все собирался писать дневник своих личных впечатлений. Но события так сразу нахлынули, что всякую волю к каким-либо действиям парализовало, а в особенности к дневнику.

Стрелка часов близится к 8-ми, как раз в это время вчера, 27-го, вдруг раздалась первые выстрелы. Мы поспешно оделись и вышли на лестницу, и в это мгновение где-то вблизи жутко просвистел снаряд, и мы тут же услышали где-то взрыв. Зенитки и пулеметы заработали вовсю, мы тотчас залезли в свой сарай, и там отсиживались до наступления полной тишины и отбоя.

Часов в 10 вечера при полной темноте на Канатной ул. появились бегущие люди со своими пожитками. Слышны были их взволнованные громкие вздохи. Я спросил одну из этих бегущих групп, оказалось, что снаряд упал на М. Арнаутскую, 2. Сегодня утром мы пошли туда и снова увидели ужасную картину разрушения. Попали три снаряда, а рано утром еще один. Разрушен тубсанаторий, есть убитые и раненные. Разрушен также дом напротив, детские ясли, но детей там не было.

29-го. Сегодня я был на фабрике с 10-ти до 5. Удалось получить всего 20 руб. Фабрика окончательно стала, что будет дальше — неизвестно. Был опять налет, говорят, зажгли одну цистерну с нефтью, был виден пожар. Наш дом окончательно опустел, всего осталось 5 жильцов. Центр города

почти целиком выехал на окраины, большое количество населения выехало эшелонами по железной дороге и пароходами. Жизнь в городе почти совсем замерла. Уже не видны вереницы убегающих людей со своими пожитками, не мчатся военные грузовики с грузом, как будто все или почти все эвакуировались. Главные заводы уехали давно. Соль нашей земли — коммун. давно подмазали пятки и благополучно улизнули. По этому поводу всюду и везде возмущенные разговоры. Спекулятивный элемент, а их немало, также своевременно улупетнул, осталась одна гольтьба и рабочий класс, и мелкие служащие. Многие жители на ночь уходят в каменоломни и на окраины города. После поголовного первого бегства после 22-го июля со своих дач, публика снова хлынула на дачи и занимает их без разбора и самочинно.

30-го. Ночь прошла совершенно спокойно. Я спал на своей кровати, а Тося не может решиться на это, она целые дни проводит в подъезде, и когда раздаются выстрелы, бежит в наше убежище. Я приготовил там на всякий случай лом и лопату, — если в лучшем случае засыплет, то, может быть, удастся откопаться. Там проведено электр., принесены скамьи, стулья, есть где сидеть. В первое время в нашем убежище было полно народа и детей, а сейчас всего 3-4 чел. прячется. Часть прячется в соседних домах, находя там больше защиты от снарядов. Я нахожу, что если бомба ко-го наметила, то она его всюду найдет.

9-го августа. За эти девять дней мы не имели почти не одного дня без тревог. Третьего дня на Разумовской ул. сбросили бомбы, были жертвы. Город почти наполовину опустел. Все заводы эвакуировались и продолжают эвак. Наша фабрика тоже с 7-го приступила к разборке машин. Во время работы то и дело слышна тревога и гул выстрелов. Я уже несколько привык и не убегаю прятаться, как другие, да и куда спрячешься. Сегодня на базаре была облава, на посылку на рытье окопов. С сегодняшнего дня город на осадном положении. Хуже всего это ночью, когда вдруг тебя будит гул внезапных выстрелов. Тося немедленно одевается и бежит из комнаты, я еще несколько минут выдерживаю фасон, но все же быстро вскакиваю и впопыхах напяливаю свои штаны.

Конечно, самое главное — это нем. снаряды, от них не убежишь, но все-таки легче становится, когда удираешь из комнаты.

Последние три дня немец особенно стал надоедать нам, как назойливая муха, по 5-6 раз в день. Каждое утро, как правило, он прилетает, большей частью это, кажется, разведки, а впрочем, кто его знает, может, и с гостинцами прилетает, да не успевает их сбросить. Говорят, что сбрасывают прокламации, обещают русских не трогать.

10-го/VII. Ровно в 7 утра я еще лежал в постели, как услышал гул нем. мотора, и тотчас началась учащенная канонада наших зениток. Я все-таки выдержал характер и лежал в постели. Признаюсь, что сердце учащенно стучало. Через некоторое время слышно было несколько падений осколков в нашем дворе, наши дворовые несколько штук нашли разных размеров. Утро прохладное, чудесное. На улице редкие прохожие, город буквально превратился в деревню. В воздухе гудят наши самолеты, они всегда вылетают после визита немцев. Вчера я прочел свое имя в списке сокращенных по фабрике, иду сейчас за расчетом.

13/VIII. События развертываются шибким темпом. Вчера весь день где-то далеко непрерывно доносился гул выстрелов, довольно часто налетали самолеты, и тотчас подымается со всех сторон стрельба. Публика в таких случаях шарахается во все углы и ворота. На Пересыпи и Слободке у всех выходов моста сделаны заграждения из камня, железа и балок. Неприятель, как видно, приблизится со стороны Балковск. дороги. В городе паника. Вчера все магазины, не говоря о продуктовых, забиты покупателями. Сотни и сотни в длинных очередях. Расхватывают мануф., обувь, костюмы, и даже очередь за косметикой. Сегодня промтоварные маг. закрыли, очевидно, администрация испугалась наплыва покупателей, т. к. публика брала все под метелочку. Очевидно, вспомнили блаженной памяти колокольчики и украинки, которые остались во время революции у всех на руках. Хлеб достается с трудом. Продуктовые базы, очевидно, очищаются и развозят остатки продуктов по магазинам. Сахару — бери сколько хочешь, а еще недавно с боем можно было получить ½ к., и то один раз в месяц. Конфет в магазинах тонны. Постное масло отпускается в любом количестве, но зато муки и грамма нет. Базары совершенно пусты, мяса нет. Овощи исчезли, некому и нечем привезть. Положение ухудшается буквально часами. Со вчерашнего дня выдают воду по норме ½ ведра на душу.

Сегодня я совершенно свободный человек, вчера распрощался с фабрикой, сознаюсь, без всякого сожаления, но будущее рисуется в самых безотрадных красках. Перспектив на работу нет, и денег нет, да и какие деньги будут в ходу, еще неизвестно. В газетах пишут, и даже усиленно распускают слухи о зверствах фашистов. Уж такие небылицы распространяют, что, право, совестно читать, но, очевидно, и немцы не остаются в долгу. Сегодня что-то тихо. Говорят, что немцев отбили. Возможно.

14/VIII. 10 ч. утра. Вчера до 7 ч. вечера было совершенно тихо, не считая отдаленных выстрелов. Ровно в 7 вдруг появился вражеский самолет, и тут началась пальба. Слышен был гул, возможно, был сброшен снаряд. За-

тем ровно в 4 утра я проснулся от гудения нем. самолета, и тут же началась учащенная пальба зениток. Я вскочил с постели и через окно наблюдал, как несколько прожекторов медленно вели самолет, но из-за деревьев я не мог точно видеть результат. Скоро все стихло, и снова лег в постель. С утра начали развозить снова сахар. Говорят, что немцы заняли Смоленск.

15/8. У нас во дворе настоящий адский концерт. Двое ребят наших соседей орут по очереди или вместе. К этому ежедневному концерту прибавилось еще три голоса детей еврейки-беженки, а к довершению этого концерта присоединилась голодная корова, которая, не умолкая, мычит каким-то надорванным отвратительным голосом. Затем появился новый слух: якобы немцы дали Одессе ультиматум: эвакуироваться до воскресенья, в противном случае от Одессы не оставят камня на камне. По радио передали, что немцы заняли Елисаветград и Первомайск. В час дня я ходил купаться. Купались исключительно мальчишки и я, старый, с ними. Вода удивительно теплая, прозрачная, но едва я вылез из воды, появились неприятельские самолеты, и пошла зенитная стрельба. Пришлось мне укрыться у берега под горой. Самолеты благополучно удрали, и пальба прекратилась, лишь в направлении Лузановки, не умолкая, громяют сегодня целый день орудия.

16/8. Во вчерашней сводке сказано: в течение 14 августа наши войска вели ожесточенные бои с противником на всем фронте от Ледовитого океана до Черного моря. Мы это начинаем чувствовать все больше и больше. Налеты неприятельских самолетов почти непрерывны. Сегодня сбросили бомбы на Заставе и взорвали груженные снаряды. Цель частых посещений неизвестна нам, но в продолжение дня зенитки и орудия действуют почти непрерывно. Только что закончилась канонада по самолетам, но наша публика так привыкла к таким ежедневным концертам, что не уступает своим привычкам даже во время стрельбы. В данный момент наши дворовые дамы, прекрасный пол, здорово переругиваются, употребляя при этом и не стесняясь, такие словечки, что лошадь бы покраснела. Были пущены в ход все аргументы, чтобы досадить друг другу, вплоть до обширных задов. Даже сам Демьян Бедный позавидовал бы разнообразию и богатству лексикона. К довершению этой картины один из соседей лежит мертвецки пьяный в подъезде, а другой на улице. Словом, картинка.

17/8, 1 час дня. Немец умудрился в коротких промежутках сбросить две бомбы. Сидя у окна в кресле, я слышал характерный свист сброшенного снаряда, и через ½ часа — снова, другой. Где разорвались, пока неизвестно, думаю, в районе порта.

Но публика ведет себя удивительно спокойно. За это время вполне привыкла. В первое время от одного пустого выстрела шарахались, в подъезды прятались, в погреба. У нас во дворе некоторые женщины в панике бросались куда попало. Сейчас они совершенно успокоились, даже как будто не обращают внимания, кормят детей, стряпают, ходят. В очередях — и подавно. Здесь идет извечная ссора, и ни выстрелы, ни свистящие бомбы не могут их ни угомонить, ни разогнать. Удивительное существо человек.

18/8. Какая идиллия. 7 ч. вечера. Солнце ярко освещает нашу комнату. Пьем чай, и тут же целый грохот выстрелов, концерт на славу. К чему только человек не привыкает, но все-таки надо удирать вниз, где-то про свистел снаряд, слышится взрыв.

19/8. Вчера был настоящий бенефис полетов. Насчитали 3-4 свиста бомб. Говорят, попало в Сабанские казармы и на Маразлиевскую, д. 13-14. Вчера целый день не было покоя до вечера. Все были внезапные налеты. Бесконечные тревоги и отбои. Надоело даже. Говорят, что немец сбросил где-то прокламации, напечатанные на лоскутах, в которых заверяет, что он не будет делать налеты ночью, а днем, чтобы население пряталось в щели и притом его не боялось; что он вреда нам не сделает. Посмотрим. Сегодня 6-е ав., праздник Спаса. Удивительная тишина весь день. Видно, не хочет испортить нам праздник. Но какой праздник, когда большинство населения давно позабыло все христианские праздники? В 12 ч. ходил на море, купался на славу, вода слишком теплая, купаются исключительно подростки и молодежь, и то в небольшом количестве. Со стороны Лузановки не прекращается гул выстрелов. Сейчас ровно 7 веч. Тоже раздаются все время выстрелы. От Сергея получили откр. В дороге был 3 недели.

Проходил с купанья по Белинской, где упали бомбы. Просто сатанинская сила этих взрывов. Положительно нет нигде спасения от них. Стены рушатся, деревья ломаются, как после урагана, железный трамвайный столб вырван и разбит в куски, а стекла в домах разбиты в округности на несколько кварталов. Просто ужас берет смотреть на эти последствия дьявольского изобретения. Ну и прогресс! Ну и культура! Не завидую я своим внукам в их будущем.

20/8. Итак, Одесса вся в баррикадах. Я только что ездил на фабрику и по дороге на всех улицах видел, как разбирали мостовые и из этих камней устраивали баррикады во всю ширину улицы, это всюду, на всех подступах в город. Значит, решено Одессу не сдавать, а из этого выходит, что для жителей готовится кровавая баня. Как одна, так и другая сторона жителей жалеть не будут. Город представляет собой почти пустыню, только

у продуктовых точек бьет жизнь ключом. С бешенством и остервенением, чуть ли не грызя, друг другу глотку рвут, что попадет под руки. Сообщается, что Николаев сдан, верфи взорваны, сдан и Кривой Рог. Жара ужасная, вода отвратительно соленая, газовые заводы приостановлены, а если выпускают случайно пиво, то очереди колоссальные. Наша газета поместила заметку амер. корресп., что Гитлер психически расстроен, да и вообще, вся печать всякую ерунду и сплетню разносит, иной раз просто противно читать. Все-таки нахожу, что пресса 14-го года была куда в тоне деликатнее, теперь же в выражениях и в тоне не стесняются.

21/8, ровно 7 в. Я только что наблюдал три нем. сам., как они, сравнительно невысоко, медленно летели по направлению к вокзалу. Стрельба поднялась буквально адская, буквально все небо на большом пространстве пробурывали, и все-таки не попали. Захватывающая все-таки картина наблюдать, удивляюсь геройству летчиков — какие нужно иметь нервы, чтобы быть под таким обстрелом. Один лишь снаряд попади — и все кончено. В час дня, когда я после купанья подымался на гору, под такую же бомбежку я попал. Нем. сам. так же спокойно, невредимыми улетели. Завтра роковое 22-е. Все в тревожном ожидании этого числа, нужно быть готовыми ко всему.

23/8. Вчера весь день прошел благополучно. Я ездил на фабрику, и за это время выросли новые баррикады со рвами. У моста Пересыпи я встретил грузовик с 5-6 ранеными. Одни из них лежали, другие сидели. Все перевязанные, а у некоторых были руки в крови и забрызганные кровью. Видно, фронт недалеко. В нашей газете появились глупейшее воззвание к гражданам. Предлагают вооружиться камнями, бутылками с керосином и горячей водой и отражать этим врага. Право, трудно себе представить что-нибудь глупее этого. Только что неприятель где-то бросил бомбу, поднялась стрельба. Я нашел на улице порядочный кусок осколка, попади этот осколок в голову — был бы конец.

На улицах пустыня, в магазинах давка за мануф. и другими товарами, люди спешат сбыть скорее свои деньги. В продукт. маг. совершенно пусто. За неимением матер. пицци купил духовной: книгу "Дидро".

25/8. Сорвавшаяся буря с проливным дождем и громом слилась с непрерывным грохотом орудий. Сегодняшняя сводка гласит: особенно ожесточенные бои происходят на Одесском фронте. Вчера весь день, ночью, почти не прекращается гул выстрелов. Сегодня особенно слышно, очевидно, фронт приближается, т. к. окна и стены начинают вздрагивать. Сейчас ровно 4 ч. дня. Дождь стих. Деревья почти не шелухнутся, но зато орудийный гром слышится все явственнее. Мы буквально у преддверия страш-

ных дней. Нет секунды перерыва в грохоте орудий. И в это время трамваи идут, дети играют и хохочут во дворе, на улице прохожие, в магазинах одиночные покупатели т. к. все они совершенно пусты. Сегодня получили карточки на хлеб по 400 гр. и 500 работающим. Начинается почти голодовка, т. к. привоза никакого нет, и кругом пустота. Страшные дни подходят. В газете сообщают, что наши во всей Бессарабии и Буковине все взорвали и уничтожили. Ожидают, что в случае нашего отступления и у нас взорвут электростанцию, мельницу и друг. зав., как это было в Бессарабии.

28/8. Оказывается, весь шум канонады производят три военных судна. Они-то все время без передышки бомбили где-то недалеко румын. Военные суда производили такой грохот, что казалось, стекла в окнах лопнут. Все же, не без результата была эта стрельба, т. к., говорят сегодня, румын отбросили на приличное расстояние, будто бы на 65 к., вчера же утром неприятель как бы в отместку послал несколько снарядов, один из них взорвался на Пуш. ул. угол Троицкой, где в это время была очередь за хлебом. Ударилось о мостовую, разорвалось и убило человек 9-12, и многих ранило. На Канатной убило 2 человека. Сегодня тихо. Лишь изредка погромыхивает. Словом, борьба затягивается. Наши оставили Новгород. Из всех магазинов вывозят все спиртные напитки на базу.

29/8 10 ч. утра. Все то, что я писал до сегодня, по сравнению с настоящим моментом — сущие пустяки. Окна, двери и стены дрожат от неумолкаемого гула выстрелов. Это сплошной непрерывный гром, ни на секунду не умолкающий. Сейчас мы все лично переживаем то, что где-то читали. Я пишу, а окна дребезжат. Но что же дальше будет? Кто, в конце концов, останется жив, куда прятаться? Выселяют почти со всех улиц, прилегающих к порту и Пересыпи. Очень боюсь, как бы не полопали стекла, мы можем остаться с открытыми окнами на зиму. Но где враг? Гром все усиливается, больше не могу писать.

2/9. За эти прошедшие дни было сравнительно тихо. Вчера я даже предпринял прогулку в Аркадию. На море стояли военные суда, и одно из них стреляло в сторону Лузановки, остальные около Аркадии мирно отскаивались. Весь мой путь порос обильным бурным бурьяном. В некоторых местах почти с трудом проберешься. От обильных дождей и вообще благоприятной погоды вся зелень сильно разрослась. Было замечательно тепло. Я нарвал букет полевых цветов. По дороге просвистело мимо меня несколько пуль. Откуда они, не пойму. На всем пути я не встретил не одной души, но все приморские домики и дачи забиты людьми. Многие устроили себе в скалах (пещеры?), щели, обезопасили себя. В отношении

безопасности здесь гораздо спокойнее, чем в городе. Да и живут здесь, по видимому, неплохо: ловят рыбу, много курей у всех гуляет вокруг дома. У некоторых имеются небольшие огороды. В самой Аркадии появились два немецких самолета. Прямо напротив меня на небольшой высоте они летели неспеша. Тут же началась ожесточенная бомбардировка, снаряды рвались вокруг них, но они спокойно продолжали свой полет по направлению в город. На берегу, у ручейка, толпы людей с ведрами, кувшинами и бутылками набирали воду и везли в город, т. к. наша теперешняя вода для питья и употребления совершенно не годна.

7 ч. вечера. Только что нем. самолеты сбросили бомбу. Часть трехэтажного дома до основания разрушена, из соседних квартир с обнаженных стен торчит мебель, на одном этаже шкаф, ниже этажом — кровать. Жуткая картина. Говорят, жертв нет, успели все жильцы выехать. Положительно, нет спасения от этих бомб. На Канатн. тоже сбросили небольшую бомбу. Видел, как одну старую женщину подсаживали в грузовик, все лицо ее было в крови.

3/9. Говорят, что еще в двух местах были сброшены снаряды, и есть много жертв.

Сегодня отвратительно холодная погода, я надел пальто. Небо хмуро-неприветливое, вдали снова слышится неумолкаемый гул. Вот уже около месяца немцы топчутся вокруг Одессы. Чуть ли не каждый день нам все кажется, что настает решающий для нас день, и эта пытка неизвестности продолжается без конца. Сейчас ровно 8 ч. вечера. Сажу с открытыми окнами. Тося лежит на диване, изредка переговариваясь со мной, делясь впечатлениями и разн. сплетнями сегодняшнего дня. Мы, как приговоренные, прислушиваемся к каждому шуму и гулу. Не гудит ли вражеский самолет, не повторится ли и сегодня вчерашняя катастрофа? В нашем доме мы одни спим на втором этаже, остальные разъехались кто куда.

4/9 1 ч. ночи. Прошлую ночь я дежурил во дворе с 12 ч. Чьи-то тяжелые снаряды, пролетая, свистели и со страшным гулом разрывались. Такой дьявольский концерт раздавался несколько часов подряд. Кто стрелял, и кто отвечал, так нам неизвестно. Вот и сейчас раздаются где-то ужасные взрывы, даже слегка вздрагивает пол под ногами. Вот вдруг слышится где-то знакомый гул мотора, это самолет. Но чей? Напрягаешь слух, хочется скорей узнать, вот он приближается, уже над головой гудит. Но зенитки молчат, значит, наш, вздыхаешь облегченно. Иной раз фантазия рисует ужасную картину, кажется, летит снаряд, попадает в наш дом, а он рушится, как карточный домик, и хоронит тебя всей своей тяжестью.

Говорят, прибывают морем новые подкрепления, Одессу сдавать запре-

щено, значит, бой в городе неминуем. Что-то будет? Ко всем переживаемым прелестям наступило резкое похолодание. О продуктах питания я и не пишу. Началась почти голодовка. Говорю почти, т. к. дают по 400 гр. хлеба и пока больше ничего. Базары совершенно пусты. Привозят к нам мешок картофеля, немного синих, помидоров, морковь — и все. Люди стоят в очередь с 4 ч. утра и ожидают до 12-1 ч., собирается толпа, которая все время, не уставая, друг с другом ругается из-за очереди, давка ужасная, и чтобы получить кило овощей, нужно потратить несколько часов времени и перенести массу оскорблений. Только русский человек в состоянии выдержать эту пытку. Разве мое перо в состоянии описать, какие страдания переживает все население? А ведь всему этому и приблизительно конца не видно. Не придется ли и нам по примеру Парижа ловить кошек и есть их? Уже почти 12 ночи, а гул разрывов ни на минуту не умолкает. Уже сколько времени без перемен.

6/9. Только что пережили отвратительные моменты налета самолетов. Жуткое, непередаваемое чувство. В 8 ч. послышался гул самолетов. Я немедленно с Тосей спустился в подвал, но в это время просвистел пущенный самолетом снаряд, и я почувствовал на своем лице, как меня обдало воздухом. Недалеко грянул разрыв. Мы вскочили в подвал, и там была слышна дьявольская канонада всех зениток и взрывов. Когда все утихло, я выполз из своего убежища, вышел на улицу и увидел огромное зарево пожара в стороне Лермон. переулка. Горело и одновременно что-то разрывалось. Очевидно, снаряд угодил в склад боевых припасов. Четыре раза возобновлялась канонада. Утром сегодня в 9 ч. я проснулся от сильных выстрелов, бросился к окну и сразу увидел 2 самолета и услышал 5-6 жутких свистов. Вчера мы всю ночь провели в подвале.

Была перестрелка. Неприятель через нашу голову посылал снаряд за снарядом, и где-то со страшным грохотом ударяло. От одного такого удара наш дом весь задрожал, казалось, приближался наш смертный час. Сегодня был в городе, и рассказывали, что во многих местах были сброшены бомбы. Сейчас после часовой передышки изредка раздаются оглушительные выстрелы. Нервы у нас всех натянуты до крайности. Сейчас 10 ч., выстрелы усиливаются, оставляю писать — невозможно.

7/9, 6 ч. вечера. Сегодня утром в 5 ½ ч. мы услышали шум герм. самолетов, едва мы оделись и начали спускаться с лестницы, как услышали отвратительный знакомый нам свист самолетных бомб. На меня в лицо пахнуло небольшой струей воздуха, и тут же мы услышали страшный оглушительный взрыв. В нашем погребе мы слышали непрерывный свист бомб. Казалось, им конца не будет, окна вот-вот все лопнут. Наконец все

утихло, но через несколько минут опять загудело в воздухе, и опять налетели самолеты. Такой бенедикс продолжался четыре раза.

Утром я пошел на место катастрофы. Угол Троицк. и Канатной: очевидно, было брошено 4 бомбы, т. к. пострадало пять домов. В одном месте видна кровь. Громадное дерево срублено у корня и отброшено далеко в сторону. Провода оборваны. Вокзал весь разрушен. Бомба угодила прямо в крышу левой стороны.

Одни развалины. В ограде огромный тополь буквально вырван с корнем, и тут же лежала убитая кошка. На Белинской второй раз упала бомба, на большом расстоянии выворочена мостовая. И во всех случаях вокруг на целые кварталы выбиты стекла. Я под таким впечатлением всего виденного буквально удрал на берег моря. Погода сегодня чудная, даже жарко на солнце. Я там пробыл 4 часа, купался, вода холодная. Я отдыхал и телом, а, главное, нервами. Тишина замечательная, и на всем берегу я был только один. Слышал шум моторов, вдали выстрелы зениток, но все это как будто меня не касалось. Если бы я был один, кажется, остался бы до конца назревающей катастрофы. В городе положительно негде спрятаться. Сейчас, когда я пишу эти строки, снова начался неумолкаемый гул пушек со стороны Пересыпи. На улицах всюду снова в большом количестве появились груженные подводы с беженцами. Но куда ехать? Город окружен. Правда, остается еще один выход. Это открытое еще море. Но это опасный путь, некоторые пароходы потонули. Стрелка быстро подвигается к 7-ми. Это время почти обычного налета самолетов, все трепещут в ожидании наступления сумерек.

В 4 ч. дня самолеты бросали листовки. Толпы людей бросались за ними, но были такие, которые сейчас же отымали у них. Но, конечно, ясно, что в этих листовках он не извинялся за причиненные им несчастья. В городе, говорят, тоже большие несчастья, всего не увидишь, не перечтешь.

Лежа на берегу и греясь на солнце, я наблюдал стрельбу броненосца по Лузановскому берегу.

8/9. Разве я сумею описать те прошедшие одиннадцать часов, которые мы все в нашем доме, да и во всем городе, пережили с 7-ми часов вечера до 6-ти сегодняшнего утра? Да ведь это надо обладать пером Толстого или Достоевского. А виденные только что картины разрушений по многим улицам! Буквально кровь стынет.

Как я и ожидал, немец и на сей раз был аккуратен со своим визитом к нам. Он заявился ровно в 7 ч. вечера и тут же начал свою дьявольскую работу. Свисты, взрывы потрясали и воздух, и дома, и землю. Наши все сосе-

ди запрятались по обычаю в погреб, а я стоял в подъезде. Признаюсь, я из-за трусости не полез в наше убежище. Мысль, что я могу быть раздавленным, пугала меня, я предпочел смерть встретить лицом к лицу. После каждого демонического свиста, который всегда, кажется, у твоей головы, я ждал страшного удара и обвала дома. Этих свистов я насчитал до десяти, но потом я сбился со счета, так их было много. Я сжимался и покорно ждал от судьбы страшного удара, но суровая судьба каждый раз отводила эту руку. Часа в два ночи опять зажужжал самолет, и я увидел через наши ворота огромный огненный шар, свист, звон разбитых оконных стекол на всей нашей улице и страшный удар, приблизительно через час — снова гудение самолета и снова удар в то же место, и снова звон стекол. Оказалось, что фугасная бомба была брошена в быв. Гособувн. фабрику. Сначала я не заметил, что она загорелась, но резкое зарево ее отразилось в нашем дворе, и я поднял панику, что горим мы, моментально полезли на крышу, и здесь я увидел грандиозную картину пожара. Море огня. Я немедленно побежал на Троицкую. Здесь стояла одна часть пожарн. команды, но тушить было трудно из-за отсутствия воды. Меня заметил конный милицейский и пригласил помочь спасти казенное имущество. Я согласился и начал выносить со склада печеный хлеб. Но, боясь вторичного налета, я, поработав с ½ часа, позорно удрал. Легчик не ошибся, попав в эту базу военных заготовок, я сегодня проходил мимо и видел огромную картину разрушения и догоравшие остатки. Как я упомянул, налет продолжался в продолжении 11 ч. с небольшими перерывами. Жутко было слышать это жужжание моторов над головой. Казалось, им конца не будет, и в то же время свист, взрывы и адский грохот зениток, и наконец, ровно в 6 часов утра появился еще только один самолет, очевидно, полюбоваться своим дьявольским делом, и еще раз над головой просвистеть и бросить где-то снаряд. Каждый раз между такими мирными антрактами, в середине глубокой ночи при весьма яркой луне, редкие звезды, как крупные бриллианты, так мило и приветливо сверкали своей красотой, точно у нас здесь ровно ничего не случилось, и вот после таких очаровательных промежутков опять начиналась адская работа самолетов.

Выходя на улицу, я видел, как некоторые жались у железных столбов, другие меняли свои убежища на более безопасные, как им казалось, перебегая с одного подъезда в другой, ну а все остальные заполнили подвалы своих домов или в нижних этажах попросту не выходили из своих квартир. При полной тишине и ярком лунном свете громко запел петух. Его одинокий голос раскатился, мне казалось, на все прилегающие кварталы, но ответить ему было некому. Так закончилась и началась драма на рube-

же двух дней. Сегодня 8-е, т. е. по-старому 28-е августа. С последним взрывом снаряда и первым приветствием петуха ровно 65 лет тому назад, как говорит моя метрика, я появился на свет Божий. Думается мне, что в муках я появился на свет и встретил свой первый день появления, но еще с большими муками, с растерзанными нервами я встретил сегодня свой 65 день рождения. И снова, как и вчера, непрерывно несется гул канонады. Приблизительно к часу ночи бой совсем утих, и снова сегодня с утра начался и непрерывно доносится их гул в наши окна. Вот уже ровно месяц, как немец топчется у нашего порога и никак ему не удается переступить его. Снова пришло подкрепление со стороны моря, подкрепления приходят непрерывно; как говорят, берут и посылают на фронт даже 17-18-летних. Не стану описывать тех разрушений, которые я видел на многих улицах нашего города. Говорят, во всем городе и даже на окраинах всюду есть большие разрушения. Уже смеркается, часы продвигаются к роковому вечеру, что-то будет этой ночью.

По всем улицам, в разных направлениях бегут люди со своими узлами.

Всю ночь во время налета грузовики и автомобили как бешеные мчались по всем улицам, спасаясь от бомб.

9/9. Ночь прошла совершенно спокойно. Население как-то сразу преобразилось после пережитой прош. ночи, но публика все же удирает, куда может, впрочем, нигде нет спасения, т. к. и на окраинах, на дачах имеются разрушения. У всех на устах только один разговор: куда спрятаться. В городе сравнительно тихо, лишь изредка раздаются громовые выстрелы наших военных кораблей на море.

10/9. Ночь прошла в городе почти спокойно, без катастроф. Но все же почти всю ночь раздавалось гудение неприятельского самолета, который все время кружился над нашей головой, и казалось, как коршун искал своей добычи. Зенитки молчали, т. к. трудно было его обнаружить прожекторами, которые шарили по всему небосклону, но все напрасно, а он упорно гудел, то приближаясь, то удаляясь, и наши сердца в унисон ему то сжимались, когда жужжание приближалось, то облегченно радовалось, когда шум затихал. Все же, как мы узнали, он нашел несколько жертв на 12 ст. и еще где-то на окраинах. Сегодня мы простояли в очереди 6 ½ ч. за помидорами и луком, больше ничего не было, а еще нужно за хлебом простоять несколько часов, так уходит каждый день в очередях, в волнениях и страхе. Разве эти несколько строк, которые я занову в эту тетрадь хоть сколько-нибудь дают отражение нашей несчастной жизни? Разве можно все это выразить словами?

12/9. Вчера враг, пользуясь большою низкою облачностью, в продолжение дня сделал несколько налетов на город. В 2 ч. дня сбросил бомбу в порту, видны были издали огромные клубы дыма, вздымавшиеся к небу. В 4 ч. я стоял в очереди за хлебом. Вдруг страшный взрыв недалеко где-то в конце Новорыбной. В это же время были брошены бомбы на углу Пушк. и Н.Р. ул., Риш. и Н.Р., и, говорят, во многих местах.

После вчерашнего осеннего холодного дня сегодня чудесная солнечная и теплая погода. Я с утра предпринял свою обычную экскурсию по городу. Заглядывал в открытые окна некоторых разрушенных и полуразруш. домов. В некоторых комнатах вся мебель перевернута, окна выдернуты. Но в некоторых учреждениях еще мирно висят портреты наших вождей, молча глядящих на разрушенные стены и на все уничтоженное вокруг. Был в парке. Лишь очень небольшую часть осмотрел, но что здесь творилось, трудно себе представить. Масса громадных воронок. Есть огромное дерево, вырванное с корнем. Многие деревья буквально искрошены, поломаны, вырваны. Очевидно, раньше здесь была стоянка военных, но сейчас никого нет. Тишина гробовая, чудесная зелень, деревья с позолотевшими листьями, вдали блестит лазоревое море, я не встретил ни души, только я один любитель нашлся в такое время гулять. Бомбовозы целой стайей летят над головой, но на фронт ли они несут свои подарки? Сегодня где-то бросили бомбу.

13/9. Ровно пять пополудни. В этот момент раздаются страшные взрывы где-то далеко, вероятно, в порту или в центре. Зенитка слабо стреляет. Где-то на позициях гулко раздаются громовые выстрелы, даже стекла дрожат. Мы, одесситы, сидим, точно в мешке, и ровно ничего не знаем, что делается вокруг Одессы. Газета молчит и печатает одни лишь эпизоды. Наши сдали Чернигов. Вот уже сколько времени наше положение без перемен. Ежедневное напряженное ожидание чего-то ужасного. Каждый в животном страхе за свою жизнь — или быть искалеченным, что еще ужаснее. Каждый день все кажется, что неприятель вот-вот ворвется в город и начнет резать жителей, не спрашивая ни возраста, ни пола.

Нет! Писать не могу, просвистела бомба. Ухожу.

Снова настала тишина. Ни звука в воздухе, надолго ли? Говорят, то немец на парашюте спускает бомбы и уничтожает чуть ли ни целый квартал. Где же прятаться? В нашем погребе-сараяе? Это могила; в подъезде — быть похороненным под камнями; оставаться на улице — быть искалеченным осколками или силою воздуха убитым. Говорят, кому-то воздухом оторвало голову. На дачах и окраинах та же история.

17/9. За эти прошедшие три дня я не имел возможности писать, т. к. все время был занят по устройству щели напротив нашего дома. Инициатором этого дела был я, один из соседей имел возможность привезти материал, т. к. в его распоряжении была лошадь. Начали мы рыть щель с 14-го, и лишь вчера закончили. Нелегкая эта была работа, натер себе на руке порядочные пузыри. Глубина щели 2 ½ метра, а в длину 15 шагов. Но наша публика как-то неохотно туда лезет, очевидно потому, что уж больно напоминает могилу, все предпочитают прятаться в погреб, в подъезд, и непременно все вместе. Уж действительно оправдывается русская поговорка, что на миру и смерть красна. Между прочим, в это время, когда я пишу эти строки, гул выстрелов непрерывно раздается уже гораздо ближе. Неприятель начал обстреливать город, редким огнем все части города. Вчера часов в 8 вечера снарядом в д. 40 пробило крышу. Сегодня ровно в 7 утра он послал несколько снарядов в наш район, где-то близко.

Тринадцатого числа, только я хотел закончить свой дневник, как вдруг мы услышали шум неприятельских моторов. Я вышел на улицу. Немецкие бомбардировщики медленно плыли высоко под чудесным ярко-голубым сводом неба, покрытым белыми барашками облачков. Вот медленно, не спеша, проплыла одна тройка самолетов, вот еще четыре, а там вдали плетется еще один. Сколько их было, трудно выяснить. Зенитки бешено их обстреливали, снаряды рвались вокруг них, то вспыхивали огненным блеском, то показывался черный дымок взрыва. Но они все дальше плыли, точно все эти выстрелы были не по их адресу. Начались взрывы. Было около 8 ч. вечера. Тося и я поспешили стать в нашем первом этаже у входа под лестницей. Вдруг раздался невероятный, страшный свист и адский грохот. Наш дом как будто подбросило, все стекла, какие еще остались целы от первых двух взрывов, со звоном полетели. Дверь у нашего входа сорвалась, и нам всем, стоящим под лестницей, казалось, что настал последний момент жизни, некоторые из женщин от страха стонали, Тося молча молилась, я с каким-то тупым чувством ждал...

Но вот прошла минута, другая, все стихло. Первым делом я вбежал в нашу комнату проверить самое больное место: это оконные стекла. Оказалось, что еще 4 стекла разбилось. Часы сдвинулись с места и остановились на цифре 8. В кухне целый хаос. Полка с разной рухлядью слетела на пол и разбилась. В это время прибежал какой-то военный с улицы и начал кричать, что в комнате горит свет. И действительно, у соседки от сильного взрыва выключатель повернулся и зажег лампочку. Я оторвал замок

и потушил свет. На улице выяснилось, что бомба, наверное, весом с тонну, упала как раз посреди двора, вырыла колоссальную яму, все здания вокруг разрушила, исковеркала, и даже на прилегающих к дому улицах вырвала в окнах рамы, в квартирах попереворачивала мебель и вообще много бед натворила. К большому счастью, все жители внутреннего двора были в подвалах, и счастье, что бомба упала не на здание, т. е. все уцелели, только несколько легко ранило. Вся эта катастрофа разразилась меньше чем в ½ квартала от нас, приблизительно в третьем дворе от нас. Вот что и дало толчок к рытью щели. В этот злополучный вечер, говорят, что во всем городе и на всех окраинах были большие разрушения. 14 и 15-го были дни спокойные, не считая одиночных налетов где-то в городе. Налет на наш город, как говорят, был ответом на налет наших бомбардировщиков на Бухарест.

Рассказывают, что в поле недалеко от Одессы женщины собирают помидоры, картофель и проч. овощи. Бывают часто случаи, когда залетающие пули убивают, но работницы не обращают внимания и продолжают свою работу. Попросту все отупели или привыкли к ежедневным сюрпризам войны.

Эту запись я веду в продолжение всего дня. Кончали еще кое-какие мелочи в построенной нами щели, не один раз приходилось в нее прятаться и изнутри ее слышать ужасный свист брошенной с самолета бомбы. Ну, а раздающийся гул выстрелов то сливается в один сплошной гул и кажется в такой момент, что враг уже в городе, то сразу выстрелы стихают и раздаются лишь одни одиночные.

Вот опять пришлось прервать свое писание и удирать в щель. Сейчас ровно 7 вечера, и в продолжение одного часа, т. к. я начал писать в 6 ч., три раза улепетывал. Только что сообщил нам один гражданин, что бросили на Мясоедовской и попали в один дом, и второй прямо угодил в щель. Для нас, строивших щель, хорошее утешение, но один из граждан объяснил нам, что это был садик, и там укрывались военные. Нам стало легче. Опять удираю.

18/9. 1 ч. дня. Я вчера закончил свое писание последним словом "удираю". Так оно и было. Едва я добежал до щели, как над головой загудели вражеские моторы, заработали изо всех сил разнокалиберные зенитки, начиная от самых слабых и кончая громовыми ударами, как тотчас послышался знакомый и преследующий нас свист. Мы почувствовали сильный толчок, и воздушное течение пробежало через нашу щель. Свист и взрывы с небольшими перерывами продолжались. Наконец мы услышали 4

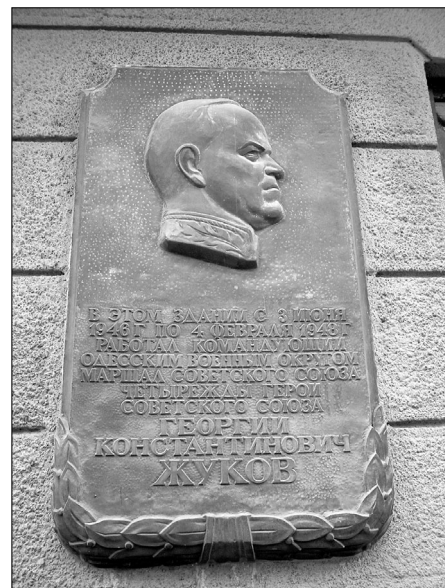
подряд свиста и взрывов, земля дрожала. Мы, находящиеся в щели, как живые в огромной коллективной могиле, молча, с биением сердца прислушивались и все ждали очередных взрывов. Иногда подымался плач детей, громкие вздохи и причитания, но сидящие требовали молчания, и воцарялась абсолютная тишина во мраке нашей могилы. Эта дьявольская какофония длилась вплоть до 6-ти часов утра сегодня. Трудно было пересчитать свистов бросаемых немцами бомб, но полагаю, что не меньше 20-ти. В продолжение одиннадцатичасового сидения в абсолютной темноте в неудобном положении и тесноте ломило спину и ныли ноги, да и притом желудок все-таки требовал пищи. А где ее взять? Получаемые 400 гр. хлеба чернее ночи, а по вкусу и придумать хуже нельзя, больше ничего и нет. Тоска варит стандарт, бурду, коего съедаешь одну тарелку за весь день. Утром чистый чай с хлебом, а вечером идем спать и без него. Я говорю, идем спать. Ведь последнюю неделю фактически мы и не спим. В щель приходится днем забегать по десять раз. Постоянно то тревога, то отбой, нужно быть всегда начеку.

Корова с утра и до вечера мычит на разные тона, а ребята, почти не умолкая, режут. Плюс еще к этому четыре голодных колхозных лошади. Они бьют яростно копытами в конюшню, изгрызли половину доски у стойла, и вот весь этот концерт-симфонию из разных голосов и тонов приходится буквально целый день терпеть. Особая программа — это утром и вечером, во время доения коровы. Несчастливая корова, которую кормят помоями из кухмейстерской, количество молока уменьшила до минимума, и вот во время дележки этих капель начинается хор исключительно из женских глоток. Корова в это время молчит, а лошади умолкают, перестают топтать и грызть, боясь, вероятно, нарушить настоящий шабаш ведьм. Но я отвлекся от своей темы. В продолжение всей ночи два раза я пробовал пойти к себе в квартиру и лечь в постель. После первого раза я был разбужен чем-то, казалось мне, ужасным. Я едва сумел натянуть свои брюки и пальто, мне казалось, что рушится дом, я выскочил, но все уже было тихо. Вдали лишь жужжал мотор, звезды блестели, да холодным порывом откуда-то несло гарью. Где-то горело. Через полчаса я снова разделся и уснул, повторилась та же история, и я уже вплоть до 6-ти утра сидел в щели. Немец, самолет, все время где-то недалеко парил и, словно хищник, выглядывал свою злополучную жертву, и снова мы слышали уже одиночные свист и взрывы недобитых ими домов, в шесть мы выползли на свет Божий.

Конец | тетради

Владимир КАТКЕВИЧ

Жуков и пианино "Гольц-Гейтман"

В южной ссылке при докладах командующим, исключительно из преклонения его не обозначали, понимая, что понижение временное, "товарищ маршал" обращались:

— Товарищ маршал, разрешите начать учение...

И он разрешал. Или разжаловал в рядовые, а потом, гневно звеня золотыми звездами, уезжал в бронированном спецвагоне Гитлера в Маркушешты.

— Успокойся, Жорик, — возможно, шептала ему медсестра Лидочка, капающая корвалол, Лидия Захарова, фронтовая подруга.

Когда в 46-ом участвовали нападения на офицеров, квартировавших в отшибных районах частного сектора, он разрешил сначала носить табельное оружие, а потом и применять на поражение. С полсотни армейских разведчиков нарядили в лендлизовские макинтоши, обнаруженные на Карантинном молу, выдали велюровые шляпы и запустили выполнять боевую задачу. Прицельный отстрел будоражил собак, они заходились до утра, беспокоя жителей, и потому выстрелы по команде прекратили. В городе говорили, что остатки разведчики вырезали. Не прошло и месяца, и с организованным бандитизмом в городе было покончено. Обязательно присутствовавший на военных советах в мундире генерал-майора первый секретарь обкома за жуковские инициативы получил по папаше, говорят, были объяснения и у товарища маршала.

Легенды о нем, основанные на непровержимых фактах, тиражировались лет за двадцать до анекдотов о Чапаеве.

Вот одна из расхожих. На учениях в Тирасполе дождило, и свита на командном пункте облачилась в плащ-накидки, один только полковник мок в кительке.